

Парламентская газета - 2000 -
13 окт. - с. 16

ЭТО ОН СКАЗАЛ: «ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО»

В последние месяцы он стал задумчив, подолгу сидел или читал сборники стихов. Время от времени репетировал роль Скалозуба, но так в «Горе от ума» и не сыграл — не было сил ходить. Свой последний фильм «Белое солнце пустыни» увидел лишь за две недели до смерти.

ПРОШЛО три десятка лет, а образ Верещагина, к которому обращался вопрос: «Таможня дает добро?», по-прежнему остается одним из самых народных. Владимир Яковлевич Мотыль, режиссер фильма, так вспоминает своего друга — актера и человека Павла Луспекаева:

— Наше непосредственное знакомство началось с «Белого солнца». На роль Верещагина трудно было найти актера — пробовались десятка два знаменитых. Ну все — не то! Сценарий попал и в руки Луспекаева. Он его прочитал, через моего ассистента дал знать, что хо-

тел бы встретиться. Честно говоря, я с самого начала видел его в этой роли. Но были сомнения и идею эту отклонял — как быть со сценами на баркасе, в море? Пришла мысль: а что если он будет на костылях, в конце концов бывший таможенник по сценарию был ранен контрабандистами...

Встретились. Никогда бы не подумал, что он инвалид — в детстве перенес операцию на ногах. В результате — ампутация на полстопы. Вы можете себе представить актера, чуть ли не каждый вечер выходящего на сцену ленинградского театра Товстоногова?!

«Никаких костылей!» — сказал Павел и прошелся по комнате на пятках, без палочки. Я ему говорю: «Да знаю я тебя, Паша, по театру. Даже и проб делать не буду». Но он на пробах настоял — как для всех, так и для него. И с ходу сыграл лучше и правдивее, чем по сценарию.

Хотя и по возрасту (Верещагину — под шестьдесят), и по комплекции (тот должен был быть эдаким русским богатырем) Луспекаев мало подходил.

А дальше началось самое настоящее подвижничество. Врачи не советовали ему ехать в жаркую страну — центр Кара-Кумов. Он только отмахивался: «Сколько отпущено — проживу так, как хочу, но эту роль сыграю!». Его мужская гордость была понятна. Но болезнь давала себя знать.

По ходу съемок я придумывал такие мизансцены, чтобы в кадре он мог на что-нибудь опереться. Например, около бака в разговоре с Абдуллой. Мы, здоровая киношная братия, все время экспедиции еле-еле передвигались по сыпучим пескам — ноги тонут. Каково же было Луспекаеву? Еще и солнце пекло так, что и вправду в глазах было бело. А Луспекаев не только ходил наравне с нами, но даже старался пробежать по барханам.

...Перед смертью Бетховен, уже

совсем глухой, написал свою Девятую симфонию. Очевидны рассказы, что, заканчивая свой труд, композитор погрозил небу. В жесте великого творца был протест против несправедливости: внутренне человек полон сил, а болезнь уносит их...

Передо мной был яркий пример того, как человек старался победить свой недуг. Луспекаев не сдавался до самого конца. Он не только сжился с ролью, он ею жил. Порой, видя во время съемок, что я недоволю потираю локоть, требовал повторить дубль. Он был беспощаден к себе, жадным до жизни.

Последний мистический кадр: Верещагин — Луспекаев ведет баркас, который взрывается. Один, второй, третий дубль (пленка — советская, часто случался брак)... Очередной наезд, и я вижу, что лицо у Паши какое-то не такое. Стоп! «Как ты себя чувствуешь?» — спрашиваю. Он отвернулся и сказал: «Нормально». Уже потом, при монтаже, я увидел в последнем дубле слезы на его глазах. Теперь я знаю цену этих слез — это было осознанное прощание с ролью и жизнью.

Записала
Галина РОМАНОВА.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ГАЗЕТА

13 ОКТЯБРЯ 2000 Г.
ПЯТНИЦА
№ 196 (576)

16

Луспекаев Павел

13.10.00г.

92